

Супруга господина Чжоу вышла замуж по воле родителей, повинаясь сватовству, и между ними не было той пылкой любви, которую трудно было бы предать. Поэтому, когда она родила двух сыновей и дочь, а положение её и детей стало незыблемым, она сама отправила наложницу к мужу. Чжоу Хун с рождения был наивнее других детей, да и, будучи сыном наложницы, не представлял угрозы, поэтому госпожа Чжоу не только не питала к нему неприязни, но даже испытывала некую жалость.

В этот момент, задавая вопрос наложнице Фэн, она явно выказывала недовольство тем, что та не усмотрела за Чжоу Хуном.

— Госпожа... раба, раба виновата... раба... — наложница Фэн стояла с виноватым видом, несколько раз открывала рот, но так и не решалась договорить, явно желая, но боясь признаться в чем-то.

— Не вини наложницу, не вини её... — Чжоу Хун разрыдался в голос, вскочил и обхватил голову наложницы Фэн. — Не плачь, наложница, Хун-эр послушный, Хун-эр не голоден...

Третий молодой господин, хоть и был мал, и умом обделен, и происхождением не вышел, зато знал, что значит сыновняя почтительность к родной матери.

Бай Юйвэй слегка моргнула, и из её глаз скатились две слезинки сострадания.

— Дядюшка, тетушка, может, не стоит больше говорить об этом? Третий двоюродный брат так проголодался, давайте сначала поедим?

Чжоу Цин взглянула на неё, и вид её заплаканных глаз вызвал у неё легкое удивление: она и вправду такая добросердечная или же так мастерски играет?

Служанка, что прежде лежала без сил, вдруг вскочила и, обращаясь к Чжоу Хуну, заголосила:

— Господин, госпожа, не вините наложницу, третий молодой господин сейчас заплачет! У-у-у... Третий молодой господин тоже хотел есть, но старшая барышня всё не вставала, и он не мог поесть... А когда вернулись в комнату, еда уже остыла. Раба понесла её на кухню подогреть, но там сказали, сказали...

— Что сказали?! — нетерпеливо перебил её господин Чжоу.

Служанка испуганно покосилась на Чжоу Цин и, наконец, с видом человека, готового принять смерть, выпалила:

— Сказали, что старшая барышня еще не завтракала, и нужно держать еду теплой для неё, мол, нет ни места, ни времени, чтобы возиться с другими...

Ну конечно, стрелы всё-таки долетели до неё.

Чжоу Цин изогнула губы в усмешке и тут же посмотрела на отца. Глаза господина Чжоу расширились от изумления, но, придя в себя, он вернулся к прежнему состоянию — очевидно, он не был сильно разгневан. Лишь Чжоу Чжэнлэй и Чжоу Чжэнци сохраняли невозмутимость, особенно Чжэнлэй, который выглядел так, будто всё так и должно было быть. Что до госпожи Чжоу, то она хоть и промолчала, но, казалось, была немного смущена.

Старшая невестка опустила голову, скрыв выражение лица, а Бай Юйвэй смотрела на Чжоу Цин с явным недовольством, в котором сквозила затаенная ненависть.

В прошлой жизни, родившись в такой семье, если бы она не научилась читать по лицам, то все деньги, что давали ей Чжоу Дахай и У Фэньи, она бы давно потеряла. Поэтому этот беглый осмотр занял лишь мгновение.

Поняв ситуацию, она больше не боялась.

— Значит, это ты не дала третьему молодому господину поесть? — холодно произнесла Чжоу Цин. — Даже если на кухне не было рук, чтобы подогреть еду для меня, неужели в доме не нашлось пирожных? Если закончились пирожные, то леденцы, фрукты — неужели ничего не осталось?

— А? — служанка, похоже, не ожидала такого поворота и опешила.

Раньше старшая барышня хоть и была своенравной, но подобные случаи бывали, и она всякий раз чувствовала неловкость. Почему же сегодня она так... так уверенно держится?

Служанка не посмела издать ни звука, быстро взглянула на Чжоу Хуна и тут же опустила голову.

Чжоу Цин же, напротив, вела себя так, будто всё было в порядке вещей, и фыркнула:

— Сама не приглядела за третьим молодым господином, да еще и оправдываешься? Даже если в доме не осталось ни сладостей, ни фруктов, разве нельзя было сообщить госпоже, что завтрак остыл, а третий молодой господин голоден? Или, по-твоему и по мнению наложницы Фэн, госпожа настолько жестока, что пожалела бы для младшего брата куска хлеба?

Хотя Чжоу Цин и понимала, что на кухне их, скорее всего, действительно притесняли, сочувствия она не испытывала. Помимо врожденной неприязни к детям наложниц, она знала сюжет, а потому не видела ничего дурного в том, чтобы сейчас прижать к ногтю эту служанку.

В конце концов, эта девчонка сейчас помогала наложнице Фэн и её сыну плести интриги против неё!

Хотя их целью была госпожа, старшая барышня была лишь попутной мишенью, но даже об этом они лишь мечтали. Не говоря уже о служанке, даже наложница Фэн и Чжоу Хун не посмели бы открыто высказывать недовольство госпожой Чжоу.

Чжоу Хун, притворяясь дурачком, не смел подать виду, а вот наложница Фэн перепугалась до смерти и принялась бить поклоны, умоляя о пощаде:

— Госпожа, раба не смела, раба и помыслить о таком не могла! Всё, что мы с Хун-эром имеем сегодня, — это милость госпожи, мы безмерно благодарны и никогда не посмеем...

— О, значит, не посмели, а не значит, что не было таких мыслей? — перебила её Чжоу Цин.

Наложнице Фэн впору было провалиться сквозь землю.

— Двоюродная сестра, ну как ты можешь такое говорить? — Бай Юйвэй больше не могла сдерживать сострадание, а тем более слезы. Она поднялась, чтобы поднять наложницу Фэн и запретить ей кланяться, а затем подняла глаза на Чжоу Цин, полные упрека. — Сестра, пусть наложница Фэн всего лишь наложница, но она родная мать третьего брата, и у неё не было таких намерений, как ты можешь так с ней обращаться!

Сказав это, она посмотрела на Чжоу Чжэнци и госпожу Чжоу, мягко добавив:

— Второй двоюродный брат, тетушка, ну уговорите же сестру. С таким характером, как у неё, ей будет нелегко, когда придет время выходить замуж.

Чжоу Цин всё это время наблюдала за Бай Юйвэй.

Честно говоря, она не могла понять, была ли та искренне добра или уже сговорилась с наложницей Фэн и Чжоу Хуном. Впрочем, это не имело значения — слова Бай Юйвэй уже вывели её из себя.

И не только её: госпожа Чжоу, услышав всё сказанное, уже была недовольна наложницей Фэн и чувствовала неловкость из-за слов Бай Юйвэй. Но стоило той упомянуть о замужестве, как госпожа тут же забыла обо всем, переключившись на мысли о том, как сложится судьба Чжоу Цин после свадьбы.

Не дожидаясь, пока кто-то заговорит, Чжоу Цин холодно съязвила:

— Двоюродная сестра, твои слова... знающие люди скажут, что ты добра душой и способна простить любого, кто бы что ни сделал. А те, кто не знает, глядя на тебя сейчас, могут подумать, что это наложница Фэн твоя тетушка.

Как только Чжоу Цин закончила, госпожа Чжоу и госпожа Фан вздрогнули.

А ведь и правда!

Чжоу Цин продолжила:

— Что до моего замужества, сестрица, не стоит беспокоиться. Мой отец — богатейший человек в городке Циншань, мать — хозяйка в этом доме, оба моих старших брата искусны в делах и души во мне не чают, а старшая невестка относится ко мне как к родной сестре. За кого бы я ни вышла, жизнь моя будет достойной. Даже если я не выйду замуж, отец, мать и братья всё равно защитят меня и будут любить, так что не утруждай себя заботой обо мне.

Смешно, она ведь не собирается жить за счет мужа, чего ей бояться?

В комнате воцарилась тишина, а затем раздался громкий хохот господина Чжоу:

— Цин-цин права! Дочь Чжоу Жэньи — мужчины со всего света будут драться за право взять её в жены, а мы еще подумаем, отдавать ли! Не о чем волноваться!

Госпожа Чжоу тоже не удержалась от смеха:

— Ну и девчонка, язык у тебя становится всё острее. — Она снова посмотрела на Бай Юйвэй, которая всё еще стояла на коленях. — Ладно, Вэйвэй, садись, поешь.

Лицо Бай Юйвэй то краснело, то бледнело, но в конце концов она отпустила наложницу Фэн и, опустив голову с видом обиженного ребенка, пересела на свое место.

Госпожа Чжоу впервые почувствовала недовольство своей будущей второй невесткой, которую так высоко ценила. Раньше она казалась ей простой и доброй девушкой, которая, выйдя замуж за сына, не станет спорить со старшими и будет хорошо служить мужу. Но сегодня она увидела, что это добродушие переходит всякие границы, и такая девушка не сможет стать достойной хозяйкой дома Чжоу.

Однако наложницей Фэн она была недовольна еще больше. Дождавшись, пока Бай Юйвэй сядет, она холодно произнесла:

— Госпожа Фэн, отведи третьего молодого господина, приведите себя в порядок. Раз уж служанка не справляется, смените её — нельзя, чтобы третий молодой господин терпел лишения. Позже я прикажу отправить вам обед в комнату.

Попытка схитрить обернулась против них самих, и наложнице Фэн пришлось увести Чжоу Хуна.

Оставшаяся часть обеда прошла спокойно. Если не считать того, что Чжоу Чжэнци всё время опекал «пострадавшую» Бай Юйвэй, остальные ели с аппетитом, особенно после того, как Чжоу Цин так похвалила семью — это доставило удовольствие и господину Чжоу, и госпоже Фан.

После обеда Чжоу Чжэнци увел Бай Юйвэй, и остальные разошлись.

Поспав до полудня и плотно пообедав, Чжоу Цин не захотела возвращаться в спальню. Настроение у неё было отличное после того, как она устроила небольшой переполох, и она, взяв двух служанок, отправилась гулять по саду.

Осенью хризантемы цвели особенно пышно. В саду дома Чжоу было высажено множество сортов: белые, желтые, крупные, мелкие соцветия, и даже редкие бледно-лиловые. Раньше у Чжоу Цин не было времени на такие пустяки, но сейчас, разглядывая цветы, она подумала, что это довольно приятно.

— Барышня! Барышня! — запыхавшись, прибежал Ли Эр.

Сяо Цуй тут же преградила ему путь и недовольно спросила:

— Ли Эр, барышня ведь запретила тебе прислуживать, чего ты опять пришел?

Чжоу Цин нахмурилась: ну конечно, в таком захолустье мужчины могут свободно разгуливать по женской половине.

Ли Эр отмахнулся от Сяо Цуй и поспешно обратился к Чжоу Цин:

— Барышня, прислали человека из павильона Ичунь. Девушка Юньло просит спасти её!

Спаси?

Кто-то хочет убить Юньло?

— Что случилось? Говори яснее, — потребовала Чжоу Цин.

Значит, барышня и вправду дорожит девушкой Юньло! Ли Эр, поняв, что поставил на верную карту, воодушевился:

— Барышня, подробностей я не знаю. Служанка, что пришла с вестью, была в панике и выглядела очень напуганной.

Чжоу Цин очень хотелось отказать, но в голове всплыл образ маленького призрака, который так пекся о Юньло. Она нахмурилась:

— Подай карету, я пойду переоденусь.

Неизвестно, кто именно прислал весть — вероятно, боясь навлечь на себя беду, посланник исчез еще до того, как Чжоу Цин вышла. И немудрено: если даже хозяйка павильона Ичунь не смела связываться с Юньло, то простая служанка и подавно. Чтобы решиться прийти сюда, ей наверняка потребовалось немалое мужество.

У ворот она случайно столкнулась с Чжоу Чжэнци, который собрался уходить.

— Цин-цин, ты куда собралась в такой час? — Чжоу Чжэнци, уже собиравшийся сесть в карету, остановился и с любопытством посмотрел на сестру.

В сюжете оригинальная Чжоу Цин из-за своей неуверенности часто переодевалась мужчиной и посещала публичные дома. Более того, до свадьбы старшего брата она часто таскала с собой обоих братьев. Но с тех пор как в доме появилась госпожа Фан, она прекратила эти глупости. Вспомнив про Бай Юйвэй, Чжоу Цин пришла в голову идея.

— Второй брат, а ты куда? — спросила она. — Есть какое-то срочное дело?

Чжоу Чжэнци ответил:

— Собирался в ювелирную лавку, ничего особенного, так, по делам. — Он помедлил. — Тебе нужна помощь? Говори, я сначала сделаю твое дело, а потом поеду по своему.

Этот второй брат неплохо относился к оригинальной героине, но по сюжету, из-за подстрекательства Бай Юйвэй, позже стал её ненавидеть. Чжоу Цин получила воспоминания лишь недавно, некоторые детали промелькнули быстро, но сейчас, глядя на Чжоу Чжэнци, она отчетливо вспомнила, как в конце сюжета он смотрел на неё с презрением и ненавистью.

Избалованная девица, какой была оригинал, не могла тягаться с Бай Юйвэй. А Чжоу Чжэнци, пусть и был толковым в делах, в вопросах любви был слеп и глух — чужих слов он не слышал.

— Тогда поезжай следом за моей каретой, мне действительно нужна твоя помощь, — сказала Чжоу Цин, не вдаваясь в подробности.

Чжоу Чжэнци, всегда любивший сестру, не стал расспрашивать, сел в карету и велел кучеру ехать за ней.

Когда они прибыли к павильону Ичунь, ворота были наглухо закрыты — день был в разгаре. Чжоу Цин велела Ли Эру стучать, а сама повернулась к Чжоу Чжэнци.

Тот, увидев знакомое место, покраснел до корней волос.

— Цин-цин, как ты могла прийти сюда... Ну, раз уж так вышло, я, пожалуй, пойду, — он даже на родную сестру не мог взглянуть.

Чжоу Цин привезла его сюда спонтанно, но, видя его смущение, решила, что это неплохой план. Чжоу Чжэнци еще не женат, так что пара загулов ему не повредит. В Ичунь полно красавиц, глядишь, какая-нибудь приглянется, и он забудет про Бай Юйвэй. Если Бай Юйвэй вылетит из дома, ей останется разобраться только с Чжоу Хуном и наложницей Фэн. Сложность та же, но хлопот меньше.

— Второй брат, чего ты покраснел? — поддразнила она его. — Раньше ты здесь часто бывал, чего теперь стесняешься? Или боишься, что двоюродная сестра узнает и рассердится?

Мужчины не любят, когда их провоцируют, и Чжоу Чжэнци не был исключением. Поначалу он хотел возразить, но потом вскинул голову и храбро заявил:

— С чего бы это? Просто я был занят делами и не находил времени приехать.

Чжоу Цин сдержала улыбку и серьезно кивнула.

— Раз так, оставайся. Боюсь, мне действительно понадобится твоя помощь.

Ли Эр, будучи слугой дома Чжоу, уже открыл ворота. Навстречу им выбежали люди, впереди всех — хозяйка павильона Фэнсянь. Хотя она была недовольна, когда Юньло забрали в дом Чжоу, но щедрые отступные сгладили её гнев. Увидев Чжоу Цин и Чжоу Чжэнци, она расплылась в улыбке и поклонилась:

— О, это же два молодых господина Чжоу! Какими судьбами в такой час?

Чжоу Чжэнлэй приходил сюда раз в десять лет, поэтому Чжоу Цин всегда выдавала себя за старшего брата. Хотя другие замечали, что старший господин выглядит моложе и изящнее младшего, но из-за влияния семьи Чжоу никто не смел задавать лишних вопросов.

— Мы хотим видеть Юньло, — сказала Чжоу Цин. — Второй брат хочет послушать, как она играет на цитре.

Лицо Фэнсянь дернулось, и она смущенно ответила:

— Какая досада, девица Юньло сегодня нездорова, до сих пор не вставала. Может, позвать вам Мудань или Хайтан?

Чжоу Цин взглянула на Ли Эра. Тот, уже успевший почувствовать себя важной особой, вытащил из рукава серебряный слиток.

Фэнсянь впилась глазами в серебро. Она была жадной, но знала: Юньло сейчас наверху под наказанием, и, взяв деньги, она не сможет вывести её к гостям. Она сухо улыбнулась, но не успела ничего сказать, как Чжоу Цин кашлянула, и Ли Эр выудил второй слиток.

Теперь отказаться было невозможно.

— Хозяйка Фэн, вы что, не хотите вести дела? — Чжоу Чжэнци, видя, что сестре не дают увидеть ту, кого она хочет, вытащил из рукава две золотые монеты, положил их в руку Ли Эра, и в его глазах блеснул холод. — Вы хотите закрыть заведение?

— Нет-нет, что вы, просто ситуация особенная! — Фэнсянь замахала руками и в двух словах объяснила причину.

Оказалось, приближалось время первого выхода Юньло к гостям, торги уже шли, но Юньло упрячилась. Она со вчерашнего дня ничего не ела, и Фэнсянь, видя такое неповиновение, применила наказание. Сейчас вид у Юньло был такой, что показывать её клиентам было опасно — можно было потерять репутацию.

Чжоу Цин не питала любви к Юньло, но не могла отрицать, что сочувствует ей. В этом месте, какой бы красавицей или талантом ты ни была, если не приносишь денег — жди беды. А чем больше красоты и таланта, тем хуже финал.

— Ничего, просто проводи нас к ней, — сказала она и решительно зашагала внутрь.

Фэнсянь со вздохом пришлось подчиниться.

Юньло не было в её комнате. Чжоу Цин подождала наверху, пока её принесут, поддерживая под руки. Девушка была в простом белом платье, но лицо её было мертвенно-бледным, холодный пот пропитал виски и челку. Руки дрожали, а ноги не держали. Если раньше Чжоу Цин лишь сочувствовала, то теперь её сердце сжалось от боли. Рядом с Юньло стоял маленький призрак — девочка, чье лицо от слез стало багровым, а голос пропал. Увидев Чжоу Цин, она просияла и, не раздумывая, бросилась к ней.

— Барышня Чжоу! — рыдала А-Янь. — Спасите Юньло, умоляю, спасите её...

Не успела она договорить, как прошла сквозь Чжоу Цин и упала на пол.

Чжоу Цин показалось, что эти глаза умеют говорить: мгновение отчаяния сменилось надеждой, и её собственное сердце забилося в такт. Она не смела оглянуться, глядя на Юньло и думая о том, как, должно быть, больно упал маленький призрак.

— Молодой господин Чжоу! — простонала Юньло, глядя на неё, и, закатив глаза, потеряла сознание.

Фэнсянь замялась, глядя на холодное лицо Чжоу Цин, и слитки в её руках вдруг показались ей раскаленными.

— Молодой господин... вы посмотрите...

— Позовите лекаря, я буду ждать здесь, — холодно ответила Чжоу Цин.

Две служанки унесли Юньло во внутреннюю комнату, пожилая женщина поспешила за лекарем. Чжоу Цин, не желая видеть Фэнсянь, выгнала её. Обернувшись, она хотела подойти к призраку, но увидела, что Чжоу Чжэнци стоит с полными сострадания глазами, в которых блестели слезы.

— Как же её жаль, — прошептал он.

Чжоу Цин кивнула:

— Да. Второй брат, зайди к ней, если очнется — утешь её. У меня на душе тяжело, я здесь посижу.

Люди в семье Чжоу были добрыми, и Чжоу Чжэнци, не задумываясь, прошел внутрь.

Только тогда Чжоу Цин быстро подошла к углу, где А-Янь, потирая голову, безуспешно пыталась встать.

— Ты в порядке?

А-Янь шмыгнула носом, погладила ушибленное место и подняла на неё растерянный взгляд. Увидев Чжоу Цин, она просияла и, смеясь сквозь слезы, воскликнула:

— Я в порядке, я в порядке! Барышня Чжоу, как хорошо, что вы пришли, вы обязательно должны спасти Юньло!

Она потянулась обнять Чжоу Цин за руку, но схватила пустоту. Пришлось отступить и снова потереть ушибленную голову.

Чжоу Цин, глядя на её странные движения, указала на стену:

— Что с тобой? Ударилась?

Разве можно удариться о стену, если ты призрак?

Чжоу Цин не верила, но А-Янь кивнула и с горечью сказала:

— Да. Когда пыталась спасти Юньло, совсем не знала как, и, пытаясь пройти сквозь стену, случайно ударилась. — Она досадливо похлопала себя по голове, не обращая внимания на боль, и с мольбой посмотрела на Чжоу Цин. — Барышня Чжоу, вы ведь спасете её?

В её влажных глазах, полных ожидания, было что-то такое, что заставляло смотреть в них снова и снова.

<http://bllate.org/book/20984/2130474>